

Оскар Гутс

“Мальчик с рожками”
и другие
эстонские сказки

“Mukitsamees”
ja teised
eesti muinasjutud

Лутс Оскар. «Мальчик с рожками» и другие эстонские сказки. /
Мальчик с рожками. Пер. с эст. С. Семененко. Рассказы о Парбу.
Пет и Парбик. Пер. с эст. Т. Теппе. Рис. Р. Кашин. –
Таллинн: Издательство КПД, 2017. – 104 с., с илл.
(Серия: Minu eestikeelne raamat. Моя эстонская книжка).

Oskar Luts. «Nukitsamees» ja teised eesti muinasjutud. Nukitsamees.
Parbu-jutt. Pett ja Parbu/Ill. R. Kašin. – Tallinn: KPD kirjastus, 2017. –
104 lk., ill. (Sari: Minu eestikeelne raamat. Моя эстонская книжка).

Оригинал:
Luts, O. Lastejutud. – Tallinn: Eesti Raamat, 1987. – 112 lk, ill.

Художественное оформление и макет: Роман Кашин

ISBN 978-9949-545-20-9 (печатная версия)
ISBN 978-9949-545-41-4 (электронная версия)

© Оскар Лутс, текст – правонаследник Андерс Лутс, 2017
© Татьяна Теппе, перевод, 2017
© Светлан Семененко, перевод, правонаследники, 2017
© Роман Кашин, иллюстрации, макет, 2017
© KPD kirjastus, 2017
© Minu eestikeelne raamat. Моя эстонская книжка

Издательство «КПД»
www.kpd.ee

Таллиннская книжная типография

Õskar Luts

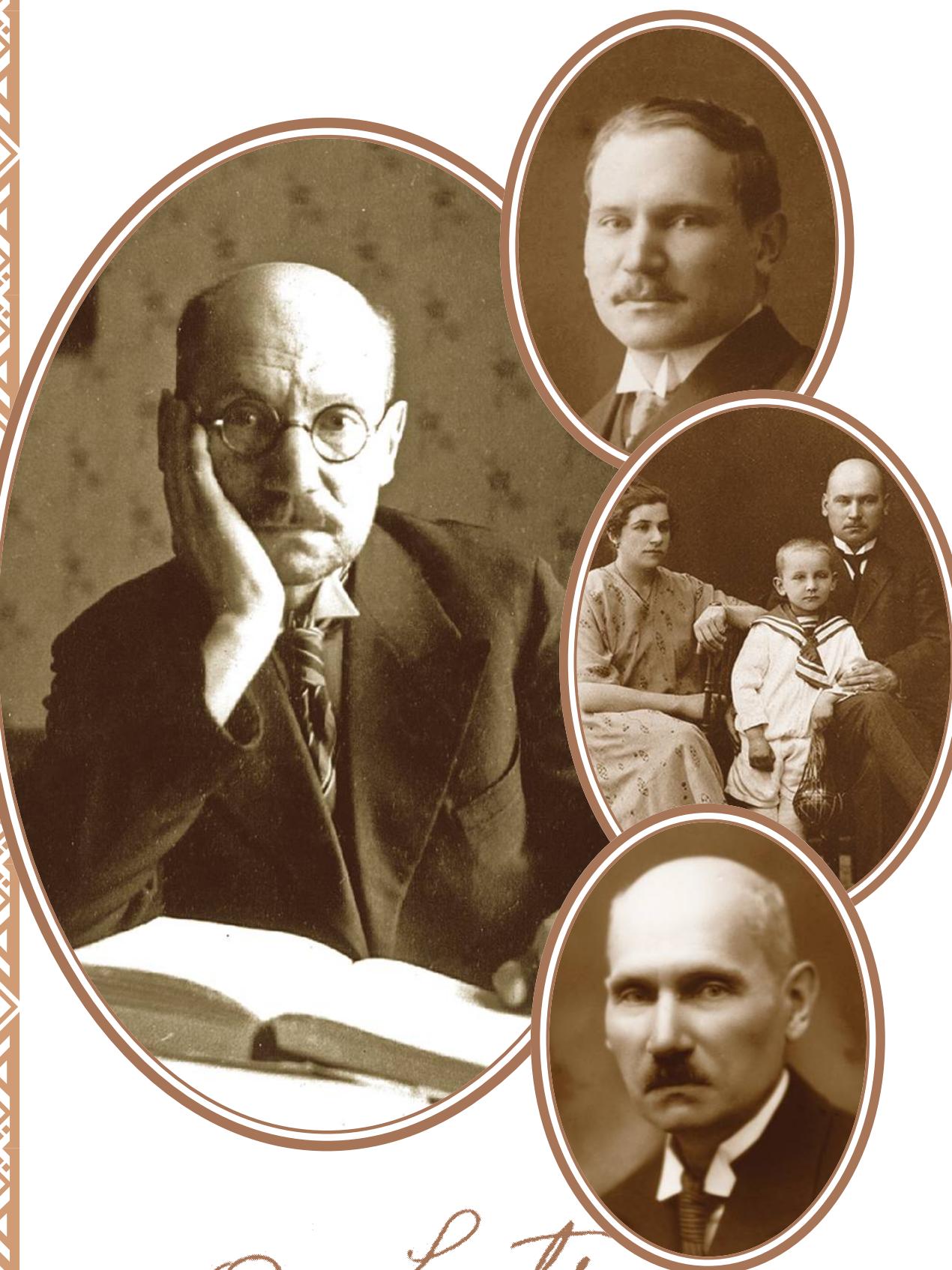
*Nukitsamees
ja teised
eesti
muinasjutud*

KNĐ kirjastus
2017

Оскар Лутс

*"Мальчик
с рожками"
и другие
эстонские
сказки*

Издательство KNĐ
2017

O. Luts.

1887–1953

Рисунки Романа Кашина

Roman Kashini joonistused

Mukitsamees

Мальчик
с рожками

Перевод с эстонского Светлана Семёнова

1.

üüb on kindel, et kaks väikest inimest suurde metsa on eksinud: juba teist korda tulevad Kusti ja Iti suure sammaldunud kivi juurde tagasi.

„Mina ei jõua enam käia!” nuuksub Iti venna käest kinni võttes.

„Aga koju peame ometi saama,” vastab Kusti. „Me ei või ometi ööseks metsa jäädva, mis ütleksid isa ja ema ja vanaisa? Istume natuke, puhkame jalgu ja lähme siis ruttu; näed, pime on juba. Ma arvan, me oleme kodust kaunis kaugel.”

Õde ja vend istuvad kivi äärde maha, panevad marjakorvid kõrvale ja vaatavad otsekui nõu küsides kõrgete kuuskede poole. Kuused kõigutavad aeglaselt oma latvu, kuid ei juhata teed ega anna ühtki nõu.

„Ära nuta, Iti,” ütleb Kusti kivi küljest sammalt näpitsedes, „see ei aita. Külalap me koju saame. Ja kui me ka otse koju ei jõua, metsast me ikka välja saame, kui me ühtelugu edasi läheme. Eks ole tõsi, Iti? Ega me kolmat korda selle kivi juurde enam tagasi ei tule.”

„Jah, aga ma ei jõua enam kõndida.”

„Puhka, küll siis jõuad.”

Vahapeal läheb ilm veel pimedamaks, mets kohiseb tasa, otsekui tahaks ta lapsi unele suigutada. Mõne aja pärast tunneb Kusti, kuidas Itikese pea tema õlal ikka raskemaks ja raskemaks jäääb; aeg-ajalt väriseb väike keha veel hiljutisest

1.

еперь ясно, мальчик с девочкой заблудились в лесу: во второй раз вышли к большому замшелому камню.

– Не могу идти, ноги не идут, – плачет Ити, хватая брата за руку.

– Надо идти, – говорит Кусти, – не оставаться же ночью в лесу. А что скажут пapa с мамой, что скажет дедушка? Давай посидим немного, да и пойдём скорей. Гляди, уж темнеет. Видать, далеко от дома ушли.

Брат с сестрой садятся на камень, ставят корзинки, оглядываются, будто ища совета у огромных елей вокруг. Ели тяжело раскачиваю ветвями, да разве укажут они дорогу?

– Не плачь, Ити, – говорит Кусти, сощипывая с камня клочки мха. – Слезами горю не поможешь. Вот увидишь, выйдем к дому. А не прямо к дому, так из лесу-то уж точно выберемся. Вот пойдём всё время в одну сторону и выйдем, верно ведь? Не сюда же опять придём, к этому камню...

– Не могу идти, ноги не идут.

– А ты отдохни, тогда и пойдём.

Тем временем становится все темней, лес тихо шумит, будто хочет детей убаюкать. Кусти чувствует, всё тяжелей клонится голова сестрёнки ему на плечо. Порою вздрогнет всем телом, тяжко всхлипнет. Потом дыхание

nutust, siis muutub õe hingamine rahu-likuks ja sügavaks. Iti magab. Ta on väga väsinud pikast käimisest ja eksimisest metsas, nüüd tahavad Iti pisukesed jalad puhata.

Kusti vaatab magava õe peale ja naeratab. Las Iti magab pealegi natuke, las kogub jõudu, siis võivad nad kojuminekuga veel-kord õnne katsuda. Seni istub ta ise vaik-selt, ei tee ühtki liigutust, mis võiks maga-jat eksitada.

Lähema kuuse oksal häälitseb hiline lind, otsekui poleks ta pika suvise päeva jooksul oma töö ja toimetustega veel valmis saa-nud ning peaks lisa võtma öölt; muidu on

ümberringi ainult vaikne unelaulusarnane metsakohin. Siis on eemalt tasast prõginat kuulda: võib-olla murdus kuiv raag mõne argliku loomakese jala all. Äkki aga kostab kuskilt öökulli pikk ja õudne huikamine. Iti kehast käib otsekui tuksatus läbi, ta avab silmad ja küsib värisedes:

„Mis see oli?”

„Öökull huikas.”

„Ma kardan, Kusti.”

„Ära karda. Öökull ei tee sulle midagi. Pealegi on ta meist kaugel. Parem ütle mulle, kas nüüd jõuad kõndida?”

„Jah, nüüd ma ikka jõuan, aga ma kardan nüüd minna. Vaata, kui pime on. Ma ei näegi minna.”

„Siis jäame ööseks siia.”

„Ei, siia kah ei taha jääda. Koju tahan.”

„No, aga kuidas siis saab? Maga veel natuke; varsti läheb valgeks, siis hakkame minema.”

„Ma kardan öökulli.”

„Öökulli pärast võid rahulikult magada, rumal tüdruk,” silitab Kusti õe pead.

„Öökull ei puutu sind.”

ее становится все глубже, ровней. Спит маленькая Ити. Устала от долгой ходьбы, от блужданий по лесу. Ножки ее устали вконец, нужен им отдых. Кусты смотрят на сестру, улыбаются. Пусть Ити немножко поспит, наберётся сил. А потом – снова в путь, искать дорогу домой. Он сидит тихо, не шевелясь, боясь потревожить спящую.

С ближней ветки подаёт голос запоздалая птица: наверное, не успела справиться со своими делами за долгий летний день хочет у ночи урвать кусочек. Лес тихо шумит, навевая сон. Издали слышится вдруг легкий треск – сучок, видно, треснул под ногой какого-то обитателя лесной глущи. Вдруг тишину пронзает протяжный крик филина. Ити вздрогивает, вмиг просыпается и спрашивает, дрожа всем телом:

– Ой, кто там?

– Это филин заухал.

– Я боюсь, Кусты!

– Не бойся. Филин ничего тебе не сделает. Да и далеко он. Скажи-ка лучше, отдохнула, можешь идти?

– Идти-то могу, да страшно! Гляди, как темно, куда мы пойдём?

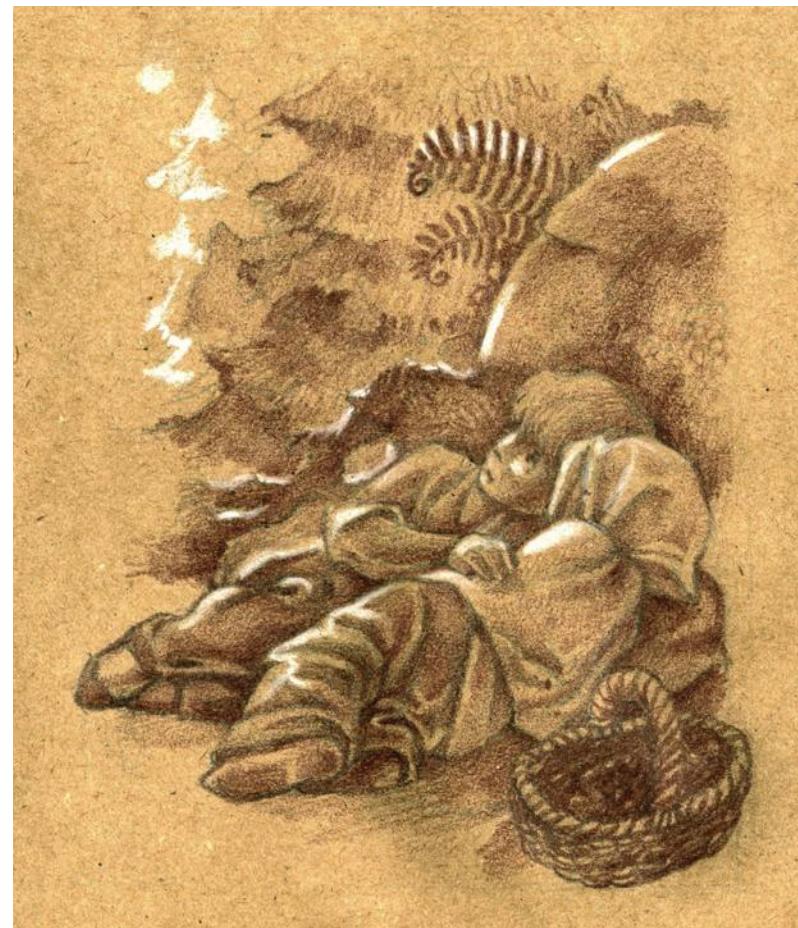
– Да, придётся, выходит, тут ночевать.

– Нет, нет. И здесь не хочу, домой хочу!

– Да как тут пойдёшь? Поспи-ка ещё маленько. Рассветёт, тогда и пойдём.

– Я филина боюсь.

– Не бойся, глупышка. – Кусты гладят сестрёнку по голове. – Филин тебя не тронет.

Itikese pea vajub jälle venna õlale, unised silmad vajuvald varsti kinni. Kusti toe tab käsipõsakil kivi najale ja valvab. Ühtlasi kerkib kogu möödunud päev tema vaimusilma ette. Vaikne päikesepaisteline hommik, lilled õueaias ja koplis hiilgavad kastepisarais. Varasest ajast hoolimata on mesilased juba tööl, lendavad õielt õiele ning pöörduvad siis raske kandamiga mesipuu poole. Kodurahvas on kõik heinal peale ema, kes pererahvale hommikueinet valmistab, ja vanaisa, kes, karvane talimüts peas, kord ühe, kord teise mesipuu juures seisatab saladuslikku põrinat kuulatades. Vanaisa on rahutu: täna on oodata mesilaste pereheitu. Mõninga aja pärast jooksebki vanaisa kambrissee, mässib endale rätiku pea ümber, nii et ainult silmad välja jäädav, tõmbab läki-läki sügavale pähe, paneb kindad kätte ja tõttab uuesti välja.

„Tee vingu! Tee vingu!” hõikab ta lävel emale, mispeale viimane tüki villast riuet nagu pooli rulli käänab, pliidi all põlema süütab ning vanaisale õueaeda järele viib. Vahepeal on õueaias suure õunapuu ümber elav liikumine alanud. Tuhanded mesilinnud keerlevad seal, õhku valju, otsekui vihase põrinaga täites. Vanaisa seisab õunapuu lähedal, kohutav nagu hernetont oma veidras varustuses, ja ootab.

Siis tekivad õunapuuokste külge suured puntrad mesilasi, mis meenutavad eemalt vaadates linnupesi; ühtlasi jäääb ka liikumine puu ümber vähemaks.

Ити опять опускает голову брату на плечо, засыпает. Кусты, подложив под щёку ладонь, прислоняется к камню, сторожит её сон. Весь день проходит у него перед глазами. Тихое солнечное утро. Цветы в саду и на лесной опушке в сверкающих каплях росы. Ещё рано, а пчёлы уже приступили к работе, перелетают с цветка на цветок и с тяжёлым взятком направляются к улью. Все на сенокосе, кроме мамы, готовящей завтрак, да дедушки, который, надев свой мохнатый зимний картуз, ходит от улья к улью и прислушивается к таинственному гудению. Беспокоится – сегодня пчёлы должны роиться.

И верно, дедушка вдруг бежит в дом, обматывает голову полотенцем, оставив лишь щёлку для глаз, на голову нахлобучивает ушанку, надевает рукавицы и спешит назад.

– Давай дыму! Дыму давай! – кричит он маме, и та накрою скатывает валиком шерстяную ветошь, поджигает в плите и спешит к дедушке в сад. Тем временем в саду начинается суматоха. Вокруг старой яблони вьются тысячи пчёл, оглашая воздух громким, сердитым гудом. Дедушка стоит под деревом, как пугало в своём странном одеянии, и ждёт.

На яблоневых ветвях вдруг возникают большие такие клубки, издали похожие на птичьи гнёзда, а мельтешение под деревом понемногу редеет.

Vanaisa kastab viha veeämbrisse, teeb mesilastele kunstlikku vihma, mille eest kõige rahutumadki pereheitjad lehtede alla varju otsivad, võtab siis suitseva riidetüki, ronib redelit mööda mesilaste juurde ning tõstab uue pere sõela. Nii... saab nüüd näha, kas mesilaste ema ka seal hulgas on. Oi jah, jumal tänatud – on! Mis nüüd viga, nüüd jäääb pere uude korterisse paika pidama. Aituma, aituma – see loomus läks hästi!

Kusti ohkab. Õige, siis oli neil kõgil, ka temal ja Itil, hea meel, et loomus hästi läks! Ema võttis söögianumad ja läks heinalistele süüa viima. Varsti peale seda tuli kari koju.

Ja siis... siis läksid nad Itiga metsa marjule. Mida kaugemale nad kodunt läksid, seda rohkem oli marju, seda ilusamad olid marjad. Nad oleksid varemgi tagasi pöördunud, kuid eemal aina punas metsaalune maasikatest. „Veel üks kamalutäis,” ütles Iti edasi joostes, „siis läheme kohe koju.”

Ja nüüd... nüüd oli juba öö ja nad olid ikka veel metsas. Nagu imeväel tõmbas see suur sammaldunud kivi neid koduteelt enda juurde tagasi. Ometigi olid nad Itiga juba ennemalt marjul käinud, kuid polnud kunagi eksinud, – mis imeline päev oli tāna?

Nüüd polnud enam midagi muud teha kui oodata, kuni koitma hakkab.

Mets kohiseb. Otse Kusti jala juures hakkab hiilgama üks jaaniussike, eemal vilgub veel teisigi, otsekui valvaksid kellegi terased silmad rohu seest kaht eksinud last. Kusti paljale jalale ronib mingisugune putukas ning püüab oma nokka läbi poisikese kuresaapa torgata; teisel pool kivi algab rohutirts oma ühetoonilist laulu. Siis huikab jälle öölkull, aga juba märksa lähemal. Kusti tunneb huikajat, siiski käib tal seekord miskipärast külm judin üle selja. Iti väriseb unes ning surub enese vennale veel lähemale. Külm udu heljub ühes vaiguse lõhnaga jämedate tüvede vahel, kaugelt kostavad aeg-ajalt mingisugused segased häälid, kuid midagi pole kuulda, mis inimeste või elumajade lähedust tähindaks.

Дедушка макает веник в ведро с водой и устраивает пчёлам дождик, отчего самые беспокойные бросаются искать укрытие в листве. Затем берёт дымящуюся ветошь, взбирается по лестнице наверх и захватывает рой решетом. Теперь главное – тут ли пчелиная матка... Слава Богу, тут!.. Ну, значит, всё в порядке, можно рой поселять в новую квартиру. Слава Богу, удачно прошёл отлов!

Кусти вздыхает. Хорошо было у всех на душе, и у него, и у маленькой Ити, что отлов удался... Мама взяла котомку с едой и ушла на покос. Потом вернулось домой стадо. Потом... Потом пошли они с Ити по ягоды. И чем дальше уходили они от дома, тем больше попадалось ягод, тем была земляника крупнее и сладче. Им бы давно назад повернуть, а кругом ягод красно! – Еще горсточку – и домой, – приговаривает Ити, а сами уходят они всё дальше и дальше.

И вот уже ночь, а они всё в лесу. Этот замшелый валун будто тянул их к себе, уводил с верной дороги. Они с Ити и прежде, конечно, ходили по ягоды, и ничего, не плутали ни разу. Что же сегодня за день такой несчастливый?

Ну да делать нечего, надо ждать рассвета.

Шумит кронами лес. В траве, возле ноги мальчика, зажёгся светлячок, потом другой, будто кто-то следит за ними из травы пристальным взглядом. По ноге Кусти ползёт букашка, пытаясь своим хоботком впиться в его мозолистую подошву. Кузнечик за камнем заводит свою однотонную песню. Снова ухает филин, теперь уже где-то поблизости. Кусти знает, что это филин, а всё-таки ему страшно. Ити вздрагивает во сне и крепче прижимается к брату. Холодный туман, смешанный с густым духом смолы, плывёт меж толстых стволов. Время от времени доносятся какие-то странные голоса, но ничего не слышно такого, что говорило бы о близости человека или жилья.

Kusti vaatab üles. Puude latvade vahelt vaatab hele täht alla, otse tema peale.

Kuid hiline lind lähema puu otsas pole ikka veel rahu saanud. Mõninga vaikimise järel võtab tema häälitsemine nüüd iseäranis hoogu. Äkki sabiseb ülal midagi, langeb siis oksalt oksale ja kukub potsudes Kusti lähedale rohusse. Ja kohe lendab suur must lind tiibadega vuhistades puu juurde, millelt praegu midagi langes. Rahutu lind on alumisele oksale lennanud ja piiksub nii haledasti, et sekui kutsuks ta kedagi appi. Kusti saab aru, et siinsamas tema kõrval tehakse kellelegi ülikohut, seab Iti pea õrnalt rohule, kargab üles ning tõttab õnnetuskokale. Suur must lind teeb poisikest silmades puu ümber mõne tiiru, tõuseb ikka kõrgemale ning kõrgemale ja kaob viimaks hoopis. Rohus sipleb väike abitu loomake. Kusti aitab linnupoja oksale, kus vanalind võtab oma pesast langenud üleannetu väetikese rõõmsa häälitsemisega vastu.

Veel natuke aega kestab okstel sabin ja piiksumine, siis tekib ümberringi endine vaikus – linnuema on oma vallatust lapsest siiski jagu saanud. Kusti võtab Iti pea oma sülle, nõjutab endiselt kivi najale ja võtab kindlasti nõuks hommikuni valvata. Kuid tema lächedal piirab unemees saaki varitsedes: peagi vajuvad väsinud silmad kinni ning pisike kähar pea langeb rinnale.

Кусти смотрит вверх. Сквозь тёмные кроны прямо на него глядит с неба ясная звёздочка.

А птичка на ближней ели никак не утомонится, помолчит немного и опять за своё. Вдруг что-то завозилось, зашуршало вверху. Кусти слышит, что-то падает с ветки на ветку и шмякается неподалёку в траву. И тут же раздается свист огромных крыльев, и большая чёрная птица, вылетев из темноты, хищно кружит над поляной. Птичка-полуночница, слетев на нижнюю ветку, жалобно щебечет, будто призывая на помощь. Кусти понимает: сейчас может произойти непоправимая беда. Он осторожно укладывает спящую Ити на землю и спешит к месту происшествия. Большая хищная птица, следя за мальчиком, неслышно кружит вокруг ели, а затем взмывает вверх и пропадает во тьме. В траве барахтается крошечное беспомощное существо. Кусти берет птенчика в руки и сажает на ветку, где птичка-мама встречает его радостным криком.

Еще какое-то время сверху доносится шорох и писк, потом становится тихо – птичка-мама утихомирила, наконец, своего шалуна. Кусти перекладывает голову спящей Ити снова к себе на колени, прислоняется к камню и твёрдо решает бодрствовать до утра. Но сон бродит вокруг, высматривая добычу, и скоро усталые глаза мальчика закрываются сами собой, он роняет на грудь свою курчавую голову и засыпает.

2.

ustil pole aimugi, kas ta on natuke või palju maganud, kuid igatahes on ikka veel öö. Iti pea on endiselt tema süles, jalad on õde seelikusse konksu tõmmanud, et neid öise vilu eest varjata. Kusti hõõrub uniseid silmi ning püüab meelde tuletada, millal ta õige magama jäi. Ah jaa, jaa... Aga praegu kõneles temaga keegi, selle kõne peale ta ärkaski. Imelik küll, kes võis temaga kõnelda?

Poisike vaatab kõrvale ning silmab alles siis, et tema kõrval seisab keegi küürus vanaait.

„Kas sina ütlesid midagi, vanatädi?” küsib ta toibudes.

„Mina, mina jah,” vastab vanamoor. „Tõuse aga tõuse üles, ega siin siis mõni magamiskoht ole. Ärata tüdruk kah, ma juhatan teid koju.”

2.

усти никак не поймет, долго он спал или нет. Во всяком случае еще ночь. Голова сестры по-прежнему у него на коленях, ноги она поджала под себя, спасаясь от ночной прохлады. Кусти трёт глаза, пытаясь припомнить, когда его одолел сон. Ах, да... А сейчас с ним вроде бы кто-то говорил, оттого он и проснулся. Странно, кто бы это мог быть?

Мальчик оглядывается и только тут замечает, что рядом кто-то стоит, какая-то сгорбленная старуха!

– Это ты говорила, бабушка? – спрашивает он, окончательно приходя в себя.

– Я, кто же ещё? – отвечает старуха. – Ну-ка вставай, тут не место спать. И девочонку буди, я вас домой отведу.